

Instagram-соборность: конструирование социальности во время ковида

ДАРЬЯ
РАДЧЕНКО

Чат прямой трансляции в *Instagram* пестрит смайликами, эмоджи в виде сложенных рук и сообщениями: «Воистину воскресе!», «Аминь!» и «С праздником!». Лайв-стрим ведется с чьего-то смартфона, установленного на штативе в одном из московских храмов, а я слежу за ним со своего ноутбука у себя дома. Наряду с десятками, если не сотнями тысяч, других православных весной 2020 года я оказалась в ситуации локдауна, когда вместо посещения пасхальной литургии я была вынуждена подключаться к ней при помощи гаджета. Опыт в высшей степени странный (впоследствии слово «странный» будут независимо друг от друга повторять многие участники моего исследования) – не в последнюю очередь потому, что на праздничные богослужения обычно собираются сотни людей, а к трансляции были подключены не больше тридцати. Но их живая реакция на происходящее на экране немного успокаивает – она показывает, что литургия как совместное действие все же осуществляется, хотя и в распределенных пространствах. Впрочем, совместное ли? Означают ли комментарии в чате, что я и другие зрители лайв-стрима являемся соучастниками богослужения? Как мы преодолеваем разрыв между сакральным пространством и религиозным сообществом? Эти вопросы легли в основу сначала полевого дневника, который я вела параллельно с онлайн-службой, а затем – и развернутого исследования практик, связанных с дигитализированным участием в богослужении. (Данная статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС¹.)

В марте 2020 года россияне столкнулись с пандемией, вызванной распространением коронавируса нового типа – COVID-19. Рост заболеваемости и массовая озабоченность ситуацией заставили постепенно менять повседневные практики. В январе–марте 2020 года правительство России начало ограничивать

Дарья Александровна Радченко (р. 1979) – цифровой антрополог, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС.

1 Автор выражает глубочайшую признательность всем участникам исследования, а также коллегам – Сете Лоу, Павлу Куприянову, Полине Колозариди, Леониду Юлдашеву, Марине Байдуж, Дмитрию Доронину и другим, – чьи замечания, вопросы и комментарии помогли в работе над статьей.

трансграничные перемещения, эвакуировать российских граждан из стран с высоким уровнем заболеваемости, вводить иные меры контроля над распространением эпидемии. 23 марта РПЦ отреагировала на ситуацию беспрецедентной инновацией богослужебного обихода: был принят ряд санитарно-гигиенических мер, призванных минимизировать риски заражения во время богослужений. Вспыхнувшие во многих приходах, монастырях и на медийных площадках протесты² пытались успокоить, заявляя, что эти меры позволят сохранить доступ прихожан в храмы – последние не будут закрыты администрацией принудительно. Вместе с тем уже 25 марта президент России объявил о введении «нерабочих дней». 29 марта Патриарх Московский и всея Руси призвал верующих воздержаться от посещения храмов, а 2 апреля режим нерабочих дней был продлен до конца месяца. Тем временем в ряде регионов (в том числе в Москве и Санкт-Петербурге) 30 марта был введен полноценный локдаун с применением санкций за нарушение режима самоизоляции. Наконец, 15 апреля Москва ввела пропускной режим, резко ограничивающий свободу перемещения горожан.

Для православных верующих эта ситуация оказалась серьезным ударом: период ограничений совпал с финальными неделями Великого поста, Страстной Седмицей, когда проходят многие значимые богослужения, и, что особенно болезненно, с празднованием Пасхи (в 2020 году она пришлась на 19 апреля). Ограничения, введенные светскими властями, подразумевали, что на богослужениях смогут присутствовать только члены клира и работники храмов (хор, алтарники, технический персонал). Миряне многих российских городов оказались отрезаны и от храма, и друг от друга в важнейший православный праздник³. В качестве если не выхода из положения, то некоторого смягчения этой ситуации им было предложено следить за богослужениями по трансляциям в Интернете и по телевидению, которые были организованы как силами отдельных приходов, так и благотворительными фондами.

Православная церковь и ранее переживала ситуации, когда приходилось прибегать к удаленному участию прихожан

- 2 См. об этом: Лученко К. *Цифровизация богослужебных практик в период пандемии коронавируса в контексте медиатизации православия* // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 1(39). С. 39–57; *Системные проблемы православия: анализ, осмысление, поиск решений. Материалы первого семинара* / Сост. С.В. Чапнин. М.: Проект «Соборность», 2020; Великанов П., прот. Чернов В.В. *Евхаристия в условиях карантина: опыт Англиканских церквей* // Богословский вестник. 2020. № 2(37). С. 107–122; Агаджанян А. *Сопротивление и покорность. Вызовы пандемии, позднемодерные эпистемы и русский православный этос* // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 1(39). С. 12–38.
- 3 Реализация этого предписания различалась от епархии к епархии и от прихода к приходу: в одном и том же городе разные священники могли полностью подчинить литургическую жизнь прихода новым условиям, сохранить ее при видимости соблюдения предписаний или открыто протестовать против любого ограничения доступа мирян в храмы: Макаркин А.В. *Полифония русской церкви: государственный фактор, общественный запрос и вызов пандемии* // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2020. № 2(97). С. 117.

в религиозных практиках, в основном из-за гонений на веру, дефицита храмов и священников:

«В то время [1930-е] входило в обиход заочное отпевание. Прежде об этом и слыхом не слыхали. Но теперь люди умирали в тюрьмах, в ссылках, где их никто не отпевал, в отдаленной местности, где не было храмов, [...] и жизнь подсказала выход»⁴.

В 1970–1980-е распространилась практика прослушивания религиозных передач, проповедей, транслируемых западными «голосами» или записываемых на магнитофон, а с 1990-х стали популярны теле- и радиопередачи о вере и трансляции богослужений. Вместе с тем все эти практики осознавались как формы икономии⁵ в ситуациях, когда храмы закрыты, находятся далеко от мест проживания верующих, когда посещение храма несет риски репрессий или если прихожанин не может добраться до него из-за ограничений, связанных с состоянием здоровья. Дистанционное участие в религиозной жизни никогда не рассматривалось православной церковью как нормативное, и тем более предписанное, но допускалось в качестве снисхождения к человеческим немощам или практическим затруднениям⁶. Кроме того, трансляции богослужений понимаются как форма миссионерства, направленная на то, чтобы познакомить с православной службой тех светских зрителей, которые не приходят в храм из-за каких-либо культурных или психологических барьеров⁷. В то же время стремление попасть на богослужение, невзирая на опасности или неудобства, трактуется как желательное поведение – хотя бы потому, что телесное участие в литургии путем причащения догматически является главным и необходимым условием для того, чтобы быть частью Церкви Христовой⁸. И именно это телесное участие и оказалось невозможным.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНОСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

- 4 Трапани Н.В. *«Другой жизни я не могла принять...»*. Сергиев Посад: Издательство Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2019. С. 286.
- 5 То есть подхода к решению церковных вопросов с позиции снисхождения, практической пользы, удобства. – *Примеч. ред.*
- 6 Нормативного документа РПЦ об удаленном участии в богослужениях по понятным причинам не существует (центром богослужения являются таинства, удаленное осуществление которых не предполагается). Однако за 2020–2021 годы вышел ряд текстов об этой практике, созданных священниками, размышляющими о том, как маргинальный способ участия в жизни церкви впервые стал массовым. См.: *Системные проблемы православия...*; Уминский А. *Книга о молитве. Тяжесть правила или разговор с Отцом?* М.: Никея, 2021; и другие.
- 7 Романовская Н.В. *«Когда телевизор во благо»: опыт формирования общественного православного телевидения в России // Ученые записки ЗабГУ. Серия «Филология, история, востоковедение»*. 2012. № 2. С. 246.
- 8 Представители некоторых христианских деноминаций рассматривали и даже практиковали возможность причащения онлайн. В отличие от других форм взаимодействия с верующими – например, удаленного благословения верб и пасхальной трапезы, – этот подход был оценен священноначалием РПЦ как абсолютно неприемлемый. См., например: Говорун К. *«Богословие ковида», или «Знаменательная буря» короновирусной пандемии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2021. № 1(39).

Следуя тезису Мориса Мерло-Понти о теле как инструменте познания⁹, феноменологическая критика цифровых взаимодействий, предложенная Хьюбертом Дрейфусом, строится на том, что «бестелесность», отсутствие физического измерения во взаимодействиях, препятствует полноценному восприятию ситуации и людей в ней¹⁰. А значит, соприсутствие и совместность в цифровой среде невозможны. Обсуждая это положение, датский исследователь Андерс Хугард в статье о коммуникации в *Snappchat* замечает, что утрата телесности может приводить к созданию новых механизмов связи между людьми путем манипулирования технологическими средствами: управления положением гаджета, телом относительно гаджета, создания новых текстовых форм и так далее¹¹. В нашем случае вопрос оказывается еще сложнее: состоится ли реализация соучастия в религиозном ритуале, когда невозможна центральная для сообщества практика, подразумевающая соприсутствие в едином физическом и сакральном пространстве? Какие коммуникативные практики используются для преодоления разрыва и воссоздания этого общего пространства – и с кем оно, собственно, разделяется в этом процессе? В нарративах о ритуальных практиках, спонтанно складывавшихся в условиях сильной неопределенности, мы будем постоянно наблюдать противоречивые реакции на происходящее, попытки экстренной переборки социальных сетей и тот тип субъекта, о котором Аманда Лагерквист пишет так:

«Человеческое существо, которое спотыкается, падает, не понимает, борется; которое уязвимо, болезненно, безмолвно и не находит выхода, но которое, прокладывая себе путь в нашем цифровом бытии, также переживает моменты предельного смысла, солидарности, поддержки и наполненности»¹².

В этой статье я сосредоточусь на анализе взаимодействий между людьми в медиатизированном богослужении. Формы конструирования сакрального пространства при помощи материальных объектов я обсуждаю в другом тексте, созданном на материалах этого же исследования¹³.

9 «Тело – это наш общий способ обладания миром» (Мерло-Понти М. *Феноменология восприятия*. СПб.: Ювента; Наука, 1999. С. 196).

10 DREYFUS H. *On the Internet*. New York: Routledge, 2009.

11 HOUGAARD A. *World at Your Phone: How Snappers Embody the Digital World* // *RASK – International Journal of Language and Communication*. 2018. № 47. P. 119.

12 LAGERKVIST A. *Existential Media: Toward a Theorization of Digital Thrownness* // *New Media & Society*. 2017. Vol. 19. № 1. P. 107.

13 Радченко Д.А. *Пасха онлайн: конструирование соприсутствия в медиатизированном ритуале* // ШАГИ/STEPS. 2021. Т. 7. № 4.

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНОСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

Мое изучение «онлайн-Пасхи» проходило в двух направлениях. Во-первых, в течение предпасхального и постпасхального периодов проводились качественные исследования в русле цифровой этнографии. Я работала с онлайн-архивами лайв-стримов и постов в социальных медиа, занималась включенным наблюдением происходящего: трансляций богослужений, переписки в социальных медиа, флэшмоба «Окна Пасхи». В целях сохранения анонимности имена пользователей были заменены на буквенные шифры. Все цитаты воспроизводятся дословно с сохранением орфографии и пунктуации оригинала, но, чтобы затруднить их деанонимизацию при помощи поисковых машин, в тексты внесены графические изменения.

Во-вторых, были проведены сорок полуструктурированных интервью продолжительностью от 30 до 120 минут с верующими, которые участвовали в пасхальном медиатизированном богослужении¹⁴. В мои задачи входил анализ спектра позиций по изучаемым вопросам, поэтому целью интервью был сбор нарративов людей, максимально разнообразных по демографическим характеристикам и по степени вовлеченности в жизнь храмовых общин. В процессе интервью оказалось, что разнообразие было достигнуто и по идеологическому характеру этих общин: мои собеседники представляли самые разные направления православия¹⁵. Среди них есть и либералы, и консерваторы, и фундаменталисты, и экуменисты. Выборка была смещенной: почти все мои собеседники – пользователи *Facebook*, выразившие желание принять участие в исследовании после моего поста о нем. Большинство из них – жители крупных городов и, за некоторыми исключениями, специалисты социально-гуманитарного профиля (научные работники, психологи, юристы, маркетологи, архитекторы, предприниматели, медиа-специалисты, педагоги, экскурсоводы). Поэтому полученные результаты нельзя автоматически распространять на всех православных России. Но, опираясь на данные анализа социальных медиа, я могу с уверенностью утверждать, что мои собеседники продемонстрировали практики и ценности, характерные для достаточно широкого круга верующих.

Еще одна важная особенность собранного корпуса интервью заключалась в том, что на мое объявление в *Facebook* откликнулись именно те люди, которым по какой-либо причине было

14 Подробнее о методологических вопросах проведения глубинных интервью см. в публикации первой части исследования: Радченко Д. *Указ. соч.*

15 Также проводились единичные интервью с католиками и протестантами. Благодаря этим беседам удалось возможным оценить, какие аспекты восприятия онлайн-богослужения специфичны именно для православной культуры.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНОСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

важно поделиться опытом участия в трансляции богослужения. Для большинства моих собеседников это необычный опыт, иногда воодушевляющий, иногда травмирующий, но всегда эмоционально насыщенный, который хочется обсудить и зафиксировать.

ПУСТОТА И СОПРИСУТВИЕ

В современной русской православной церкви укрепился тип так называемого «храмового» благочестия, в котором христианская жизнь сосредоточена вокруг физического здания храма и происходящей в нем литургии¹⁶. Центром общины является священник – в качестве не только ключевого актора ритуала, но и инициатора большинства совместных действий общины¹⁷. В результате во время пандемии и локдауна сотни тысяч православных оказались отрезаны от того, что составляло основу их религиозной практики – от Евхаристии, храма и священника. Даже в тех случаях, когда священники к началу пандемии уже вели активную деятельность в онлайн-пространстве и, соответственно, имели развитые площадки для взаимодействия с прихожанами, переход от непосредственного контакта к цифровому оказался весьма непростым.

Ориентация современного массового православия на «индивидуальное христианство»¹⁸, каким бы оксюмороном не выглядело это словосочетание, привело к тому, что для многих легитимная, одобренная и даже настойчиво рекомендованная священноначалием замена посещения храма трансляцией была сначала воспринята как скорее позитивное изменение: во время службы никто не отвлекает. Однако многие из моих собеседников с некоторым удивлением отмечали, что испытывали негативные эмоции от этой пустоты, а спустя некоторое время и вовсе отказались от просмотра трансляций.

Проблема, как оказалось, заключается не в отсутствии активной коммуникации с другими. «Мешающие другие», которых не знают по именам и не всегда различают в лицо, выступают в нарративах о переживаниях во время богослужения как фон собственной религиозной активности, как бахтинское «коллективное тело» верующих, в которое встраивается говорящий. Это коллективное тело обладает физическими характеристиками (масса тел в храме изменяет акустику, создает ощущение дышащей, живой среды вокруг, может быть неудоб-

¹⁶ Системные проблемы православия... С. 28.

¹⁷ Врублевская П. *Исследуя церковную общину в малом городе: роль священника и другие аспекты православной общинности* // *Laboratorium*. 2015. № 3(7). С. 129–144.

¹⁸ Агаджанян А. *Указ. соч.* С. 12–38.

ной – люди толкаются, напирают, перекрывают обзор солеи), создает недифференцированный шум, лишенный смысловых сигналов (шуршит, кашляет, негромко переговаривается, кричат или играют дети и так далее). Входящие в него люди практически не общаются – за исключением сугубо технических моментов, связанных, например, с просьбой передать свечу к той или иной иконе. Особенно явным это тело становится в момент пения мирянами ограниченного репертуара текстов: «Символ веры», «Отче наш», тропари и кондаки некоторых праздников (на Пасху практикуется коллективное пение «Христос воскрес из мертвых» и «Воскресение Христово видевше»). Ощущение себя анонимной частью этого коллективного тела оказалось критически важным: как ни парадоксально, внутри него выразить свое религиозное переживание проще, чем во время просмотра трансляции с членами семьи.

«Сначала я думала, что я буду “на службе” одна, значит, я сейчас могу распеться во весь голос. А сестра тоже приняла участие. Я так больше... так больше в себе пела, но не могу сказать, что нам мешало, просто при другом [человеке неудобно]... и вот, соответственно, когда ты находишься в храме, [вокруг] много-много людей, и там в момент, когда ты плачешь, на тебя никто не обратит внимания. А здесь сестра, которая рядом. [Я] понимала, что она сейчас даже может прокомментировать как-нибудь»¹⁹.

Трансляция богослужения из пустого храма также вызвала у аудитории сложные чувства. Отсутствие мирян на праздничном, обычно многолюдном богослужении бросалось в глаза. С одной стороны, это было, по выражению одной из моих собеседниц, «трогательно и жутковато»²⁰: обширные пространства, предназначенные для масс людей, были пусты, в них находились только клир и люди, обеспечивающие как ход богослужения, так и ход трансляции. Некоторые собеседники говорили о том, что это препятствует ощущению соборности молитвы: ты остаешься наедине со служащими клириками и ощущаешь себя одиноким зрителем происходящего – остальные зрители при этом «не существуют». С другой, пустота подтверждала правильность выбора и говорила о сознательности верующих, которые соблюдают самоизоляцию, чтобы не заразиться самим и не заразить окружающих, особенно тех, кто в силу возраста или заболеваний может тяжело перенести вирусную инфекцию или даже погибнуть (пафос заботы о ближнем был одним из важных медийных – в том числе православных – меседжей этого периода, призывавших оставаться дома²¹).

19 Женщина, около 25 лет, живет в Москве, психолог, православная.

20 Женщина, около 30 лет, живет в Москве, научный работник, католичка.

21 Агаджанян А. *Указ. соч.* С. 27.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНОСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

И, напротив, присутствие людей в храме могло раздражать и вызывать горечь, поскольку ассоциировалось с отсутствием социальной ответственности и христианских добродетелей.

При этом мои собеседники нередко замечали некоторую «фигуру умолчания» (чаще в тех храмах, где трансляция была организована силами клира и сотрудников и осуществлялась через социальные медиа). Обычно камеру старались установить таким образом, чтобы в кадр не попадало основное пространство храма. Перемещения камеры были строго ограничены; несмотря на это, по определенным признакам зрители замечали, что в храме присутствуют миряне. Так, один собеседник²² рассказал, что во время трансляции, зрителем которой он был, сам процесс причащения не демонстрировался, но по тому, что священники вышли на солею с несколькими чашами, было понятно, что в храме очень много причастников (несмотря на то, что на сайте храма был опубликован призыв оставаться дома). Другая собеседница²³ заметила причастников в отражении на стекле, закрывающем икону.

В результате возникало ощущение, с одной стороны, некоторого лукавства, а с другой, явного разделения на «своих» и «чужих» – или, пользуясь распространенной вернакулярной терминологией, «прихожан» и «захожан». Типологизация верующих по степени их вовлеченности в жизнь церкви не входит в задачи этой статьи²⁴; мы воспользуемся приведенными эмпыми²⁵ терминами не для оценки глубины чьей-либо веры или частотности посещения храма, а лишь для того, чтобы описать разные уровни вовлеченности в коммуникационные сети общины. (Заметим на полях, что и сама община храма может иметь различную плотность связей – от структуры, в которой небольшое тесно связанное ядро окружено большим количеством постоянных и периодических посетителей, не коммуницирующих в храме ни с кем, кроме священника, до приходов, в которых вообще нет и не может быть людей извне. Также обратим внимание на то, что один и тот же человек может быть «прихожанином» одного храма и «захожанином» другого.)

В исследовании Ивана Забаева и Елены Пруцковой показано, что люди, входящие в такие общины, чаще посещают службы (93% приходят раз в месяц и чаще, в среднем среди православных по России эта цифра составляет 8%), чаще при-

22 Мужчина, около 40 лет, живет в Москве, предприниматель, православный.

23 Женщина, около 50 лет, живет в Москве, научный работник, православная.

24 См. об этом подробнее, например: Пруцкова Е. В. *Куличи и/или причастие: типология православных верующих, участвующих в освящении пасхальной пищи* // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 243–260; Емельянов Н. Н. *Парадокс религиозности: откуда берутся верующие?* // Там же. С. 32–48; Маркин К. В. *Между верой и неверием: непрaktикующие православные в контексте российской социологии религии* // Там же. С. 274–290.

25 То есть выполняющими (согласно Кеннету Пайку) смыслообразительную функцию. – *Примеч. ред.*

чащаются (70% не менее раза в месяц, по России в среднем – менее 3%) и у них имеются более сильные сети связей, которые могут помочь им в кризисной ситуации²⁶. С одной стороны, кажется, что COVID-19 сильнее всего ударил по людям, которые привыкли регулярно посещать храм и участвовать в Евхаристии. Но, с другой, именно для них локдаун был отчасти компенсирован доступом к сложившимся внутри приходов сетям поддержки: они могли рассчитывать не только на бытовую помощь со стороны соприхожан, но и на эмоциональную поддержку и участие в религиозных практиках, организованных «своими для своих». В интервью среди таких практик упоминаются онлайн-встречи, совместные чтения Евангелия, общая молитва в *Skype* или *Zoom*, а также возможность пообщаться со священником, с которым уже налажен постоянный контакт, или пригласить его домой для получения причастия. Наконец, включенность в неформальные сети коммуникации, закрытые от посторонних, во многих случаях позволяла им узнать, что они могут прийти на службу даже в условиях официального запрета (замечу, что последнее не практиковалось никем из моих собеседников). Верующих, которые вовлечены в такие неформальные сети коммуникации, мы здесь и далее будем называть «прихожанами».

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНОСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

COVID-19 сильнее всего ударил по людям, которые привыкли регулярно посещать храм и участвовать в Евхаристии. Но именно для них локдаун был отчасти компенсирован доступом к сложившимся внутри приходов сетям поддержки: они могли рассчитывать на эмоциональную поддержку и участие в религиозных практиках, организованных «своими для своих».

Верующие, которые не включены в эти сети, пользуются исключительно публичными источниками информации и поэтому вынуждены придерживаться официально объявленных правил посещения богослужений. Среди них наиболее уязвимыми оказались совсем не те люди, которые привыкли посещать храм изредка, по большим праздникам или спонтанно, чтобы поставить свечку, помолиться и заказать требу. Под удар попали скорее те верующие, для которых участие в литургии

26 ЗАБАЕВ И.В., ПРУЦКОВА Е.В. *Социальные сети поддержки в православной общине. На примере трех крупных православных приходов г. Москвы // Современная социология – современной России. Сборник статей памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А.О. Крыштановского.* М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 602–604.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

принципиально важно, оно составляет центральную, если не единственную, часть их христианской жизни, но по той или иной причине они не включены в жизнь определенного прихода. Именно такие собеседники говорили о чувстве изолированности, о невозможности пригласить священника домой из опасения лишний раз его побеспокоить в то время, как он нужен другим людям (пожилым, больным), о дефиците информации, о растерянности перед лицом стремительно меняющихся условий во время приближения главного праздника христианского годового цикла – Пасхи. В результате именно эти верующие, вовлеченные в богослужебную практику, но не в приходские сети взаимодействия, в период пандемии ощущали, что не выполняют базовую обязанность христианина.

«И вдруг серьезное испытание на самом деле. После [...] Пасхи мы увидели разные... видеоролики, как народ встречал Пасху. И когда стали смотреть это, оказалось, что у всех все по-разному. Некоторые были на службе, и было много народу, и никто не дезинфицировал ложки, то есть все было по-старому. Мы видели радостные лица этих людей, мы видели радостные лица в своем храме, тех, которые смогли проникнуть. А дверь была закрыта, это точно. Те, кто успел до этого проникнуть, и их радостные лица были... и вообще это, просто, как будто совершен какой-то несчастный какой-то поворот. Или ты предал и неправильно поступил, и тебя проверяли, или что-то»²⁷.

МОЛЧАНИЕ «ЗАХОЖАН»

Итак, наиболее комфортной для многих моих собеседников оказалась ситуация, когда в соответствии с предписаниями властей и священноначалия пасхальное богослужение осуществлялось в пустом храме, без присутствия мирян, но при этом сохранялась возможность взаимодействия с другими. Воскресение Христово является центральным событием не просто годового праздничного цикла православных, но всего христианского вероучения, и поэтому о стремлении выразить и разделить пасхальную радость говорило большинство моих собеседников. Заметим, что личное знакомство с людьми, находящимися в том же богослужебном пространстве, совершенно не являлось необходимым условием создания «виртуального прихода». Для «захожан» ключевыми факторами оказывались само наличие других людей в этом пространстве и возможность выполнения тех ритуальных действий, которые они привыкли выполнять в храме.

27 Женщина, около 60 лет, живет в Санкт-Петербурге, психолог, православная.

Вопреки ожиданиям выяснилось, что экран далеко не всегда воспринимался как непреодолимое препятствие для общения во время литургии. Для прихожан очень важно было видеть священника, ощущать, что они как-то взаимодействуют с клиром и вовлечены в службу. Поэтому многие, даже те, кто участвовал в трансляции в одиночестве, пели тропари, отзывались на пасхальные приветствия священника (хотя некоторым вначале было неловко обращаться к экрану). Как сказала одна из моих собеседниц, для нее было важно, что, несмотря на пространственный разрыв на физическом уровне, благодаря этим возгласам и тому, что люди «по ту сторону экрана» хотя и не слышат их, но осознают наличие отвечающей им аудитории, выстраивается некоторое взаимодействие между теми, кто находится в храме, и теми, кто участвует удаленно. Тем самым создается общее богослужebное пространство:

«Мне хочется думать, что мы были несколько в идентичной ситуации [со священниками]. То есть, что священники понимали, что как бы часть [людей] их смотрит или слушает [онлайн]. То есть это был такой контакт... он условно был односторонний [...] – у меня было ощущение, что словно как будто бы не то чтобы этим освящается жилище, в котором я нахожусь, но какое-то есть в этом... протяженность от храма до дома»²⁸.

Попытки преодоления дистанции между домом и храмом выразились в том числе в комментировании трансляций богослужений. Эти комментарии, как правило, четко соотносились с происходящим в физическом пространстве храма. Разберем один из наиболее полных и типичных примеров такого чата (один из храмов Нефтеюганска). До утра в комментариях появляются лишь редкие смайлы и приветствия. В физическом пространстве храма в это время идет сбор верующих, служат Полунощницу, начинается крестный ход. Реплики в чате в это время представляют собой аналог приветствий, которыми люди могли бы обмениваться в самом храме, входя туда. Однако эти реплики не поддерживаются ответными комментариями совершенно так же, как не были бы положительно восприняты громкие разговоры в самом храме. Подтверждая это наблюдение, некоторые из моих собеседников сообщили, что, войдя в трансляцию, они здоровались в чате с собравшимися, но отключали чат после начала богослужения, потому что ощущали, что такая «болтовня» отвлекает от молитвы.

Чуть позже полуночи крестный ход возвращается к входу в храм, и перед закрытыми дверями храма священник первый раз возглашает: «Христос воскрес!»». В этот момент трансля-

28 Женщина, около 25 лет, живет в Москве, педагог, православная.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНОСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

ции в комментариях появляются ответные реплики: «Воистину воскрес!»). Дальше начинается пасхальная заутреня, в которой возгласы «Христос воскрес!» повторяются многократно, и, соответственно, в чате появляется очень много отзывов – это пик интенсивности комментариев. На этом этапе они уже начинают перемежаться эмоджи – сердечками, сложенными руками, цветочками. Где-то к часу ночи поток текстов существенно снижается – во время пасхальной службы к этому моменту также постепенно происходит отток людей из храма, в нем остаются только те верующие, которые собираются участвовать в литургии и причащаться в пасхальную ночь. Однако качественного изменения текстов не происходит – люди по-прежнему отвечают на пасхальные приветствия священника, параллельно идет поток эмоджи, кто-то публикует реплики ектении, кто-то пишет строки пасхального тропаря, кто-то уже начинает поздравлять тех, кто физически присутствовал в этом храме, с причастием и вообще всех – с Пасхой (причем вместо формулы «Христос воскрес – Воистину воскрес» возникает несколько секуляризованный текст «Поздравляю со светлым праздником Пасхи»). Во время отпуска начинаются благодарности за трансляцию: люди виртуально «подходят» к кресту священника в комментариях.

Еще одним способом преодоления физического разрыва – правда, встретившимся в интервью только однажды, но зато нередко упоминаемым в сообщениях в социальных медиа – оказалась подача записки (и совершение соответствующего пожертвования) в момент службы. Это действие, по словам упомянувшего о нем участника исследования²⁹, является своего рода симультанным материальным «пробросом», связывающим пространство дома с пространством храма. Такое представление основано на функции записок в практике РПЦ – это своего рода помянник, который подается для поминовения перечисленных лиц священником за здоровье или за упокой во время двух частей литургии – проскомидии и сугубой ектении. Хотя формально предполагается, что лицо, подавшее записку, присутствует в храме во время совершения этих молитв (и молится за поминаемых им лиц соборно с другими участниками литургии), на практике этого чаще всего не происходит. Подача записки – один из немногих ритуалов, осуществляемых как воцерковленными, так и лишь номинально православными христианами. Для последних это важный повод зайти в храм: в большинстве храмов записки (и пожертвования за их принятие) принимаются исключительно очно через свечной ящик и за наличные (хотя во время пандемии практика онлайн-запи-

29 Мужчина, около 40 лет, живет в Москве, менеджер, православный.

сок с пожертвованием через безналичный перевод существенно расширилась). Кроме того, существует негласное представление о желательности подачи записки на бланке именно того храма, в который она подается. И так, для одних записка – способ молиться совместно с другими (именно поэтому важно перечислить деньги за записку в процессе богослужения или до него, чтобы записка попала к священнику ко времени произнесения соответствующих молитв), а для других – одна из немногих религиозных практик, осуществляемых исключительно в храме (и поэтому виртуальная записка в определенной степени символизирует посещение храма).

Некоторые писали просьбы о поминовении непосредственно в комментариях во время трансляции богослужения. Этот переход молитвы в, казалось бы, не приспособленное для сакральной практики публичное пространство онлайн-чата мои собеседники описывали как неожиданный, странный, но создающий ощущение единства во время изоляции.

«Я днем, листая соцсети, увидела прямую трансляцию из Храма Гроба Господня и ожидание вхождения огня, и люди писали молитвы в комментариях. [...] Мы же привыкли считать, что это такая интимная вещь – молитва, причем не обязательно даже вслух проговаривается, может быть, что-то, что происходит у человека в мыслях. А здесь люди выкладывают все в какую-то одну огромную бесконечную простыню: все свои надежды, просят прощения за какие-то вещи, просят об исцелении родственников, просят просто мира во всем мире, просят там тоже исцеления мира от этого вируса, из-за которого все вынуждены сидеть дома»³⁰.

«Люди пишут комментарии. Параллельно, например, разносит молитва, и все они пишут “Господи помилуй” или “Христос воскресе” все вместе. [...] То есть, ты понимаешь, что люди так же, как и ты, находятся [в той же ситуации], ты со всеми вместе»³¹.

На первый взгляд активность в комментариях кажется способом сборки виртуальной общины. В принципе, в вербальной онлайн-коммуникации действительно могут складываться сообщества ранее незнакомых людей и проводиться полноценные ритуалы³². Однако в нашем случае это, по-видимому, воплощение своего рода тренда на «индивидуальное христианство», когда верующий взаимодействует прежде всего со священником и транслирует свое религиозное переживание не соприхожанину, а в сакральное пространство (даже участвуя в коллективном пении). В комментариях к трансляции

30 Женщина, около 30 лет, живет в Москве, медиа-менеджер, православная.

31 Женщина, около 45 лет, живет в Москве, домохозяйка, православная.

32 O'LEARY S. *Cyberspace as Sacred Space: Communicating Religion on Computer Networks* // Journal of the American Academy of Religion. 1996. Vol. 64. № 4. P. 794.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНОСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

люди мало общаются друг с другом: обмена репликами, диалога практически не происходит. Они обращаются в основном к священнику, несмотря на то, что во время службы он эти комментарии не читает и в лучшем случае может ознакомиться с ними только после службы.

По сути, эти реплики оказываются воспроизведением того поведения, которое могло бы осуществляться во время физического присутствия в храме. Именно эти привычные практики (а мои собеседники говорили о том, что какие-то действия – например, совершение крестного знамения, ответ «Воистину воскресе» на возглас священника – воспроизводятся ими «автоматически», «инстинктивно») превращают чат в некоторое подобие храма, помогают создать сакральное богослужebное пространство и ощущение своего присутствия в нем.

Диалоги с конкретными мирянами обычно возникали только у тех моих собеседников, которые плотно вовлечены в жизнь прихода: поют на клиросе или в любительском хоре, участвуют в молодежных инициативах, посещают воскресную школу, лекции и так далее. Как сказала одна моя собеседница, ей было приятно увидеть свою знакомую в чате трансляции, потому что, несмотря на физический разрыв и изоляцию, они оказались в одном виртуальном пространстве.

«Я [...] потом там у одной девушки увидела, что она смотрит трансляцию и написала ей “мы с тобой вместе на службе”»³³.

Переход к взаимодействию между лично неизвестными людьми осуществляется только в одном случае – когда коммуникация «сбоит», будь то из-за проблем с гаджетами и связью или из-за вторжения в комментарии агрессивно настроенного человека со стороны. В этих случаях возникает своего рода техногенная солидарность: люди выясняют, «сбоит» ли трансляция только у кого-то одного или у всех; выключили ли трансляцию целенаправленно, чтобы не показывать крестный ход или причащение мирян, или же видеоизображение «зависло»; можно ли технически удалить «тролля» из чата и так далее. Приведем пример такого рода проверки связи, осуществлявшейся с перерывами более получаса³⁴:

Храм Казанской иконы Божией Матери (18 апр. в 23:24): Хорошо слышно видно?

AP (18 апр. в 23:25): Хорошо

ЛЛ (18 апр. в 23:25): Да, все хорошо слышно и видно

AT (18 апр. в 23:25): видно отлично

AE (18 апр. в 23:25): хорошо

ИС (18 апр. в 23:26): видно хорошо, слышно не очень

33 Женщина, около 20 лет, живет в Москве, педагог, православная.

34 Имена пользователей в целях сохранения анонимности здесь и далее заменяются инициалами.

АМ (18 апр. в 23:29): Видно хорошо, но тихо, громкость на максимум, но тихо.

АМ (18 апр. в 23:32): Теперь хорошо

ЮЛ (18 апр. в 23:32): у нас прерывается все время

АТ (18 апр. в 23:33): У меня не прерывается

ГБ (18 апр. в 23:41): У меня тоже все хорошо

АМ (18 апр. в 23:50): слышно даже лучше, чем когда в храме стоишь

МТ (18 апр. в 23:59): тишина чтото

МТ (19 апр. в 0:01): УРА

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНОСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

В приведенном примере зрители трансляции откликаются и на первый запрос о качестве связи со стороны ее организатора, и на проблемы друг друга. Обращает на себя внимание высказывание последнего пользователя: за одну минуту до полуночи – когда «по расписанию» должна начаться собственно пасхальная заутреня – он обеспокоенно пишет в чат об отсутствии звука, и сам же сигнализирует через две минуты о том, что звук (крайне вовремя) вернулся. Этот сигнал, по видимому, не просто указание на его эмоции в связи с тем, что он снова вовлечен в богослужение, но и подсказка другим об «отбое тревоги».

Привычные практики превращают чат в некоторое подобие храма, помогают создать сакральное богослужebное пространство и ощущение своего присутствия в нем.

Дейдрэ Боден и Харви Молоч³⁵ описывали схожую ситуацию проверки телефонной связи: они пишут, что, когда мы говорим «алло, ты меня слышишь», мы проверяем одновременно и качество связи («меня вообще слышно, есть связь?»), и актуальность самого разговора, наличие контакта («ты все еще со мной, ты внутри этого разговора?»). Параллельно солидаризации с находящимися в физическом пространстве храма участники онлайн-трансляции вырабатывают и формы солидарности между собой: для них важно не ощущать себя отторгнутыми, выброшенными из связи, а разделять общие проблемы с другими.

Отсутствие высказывания в чате, разумеется, не означает отсутствия вовлеченности. Один из моих собеседников³⁶ обратил внимание на то, что в чате трансляции, которую он смотрел в *Instagram*, участники переписки были явно знакомы друг

35 BODEN D., MOLOTCH H. L. *The Compulsion of Proximity* // FRIEDLAND R., BODEN D. (Eds.). *NowHere: Space, Time and Modernity*. Berkeley: University of California Press, 1994. P. 257–286.

36 Мужчина, около 30 лет, живет в Москве, научный работник, православный.

с другом и со священником. В *YouTube* во время официальных трансляций «люди просто пишут какие-то вещи, не обращаясь ни к кому», а в *Instagram*, где проходили лайв-стримы, организованные храмами самостоятельно, приходили в основном прихожане этих храмов, судя по тому, что они обращались к священнику по имени. В это взаимодействие «своих» он не стал вторгаться с текстовыми комментариями (так же, как не стал бы вклиниваться в беседу незнакомых людей), но ставил сердечки, чтобы показать заинтересованность в тексте проповеди и при этом сохранить нейтральность.

Оказалось, что в пространстве трансляции (особенно осуществляемой силами прихода, хотя формально и не являющейся закрытой) люди могли испытывать почти те же чувства, которые переживает человек, впервые пришедший в место сбора незнакомому ему и тесно сплоченного сообщества: он остерегается включаться в беседу; не уверен, что у него есть право высказаться и может лишь выразить эмоцию невербально. В онлайн участники службы точно так же делились на «прихожан» и «захожан», как и во время офлайн-богослужений. Одна собеседница сказала, что ей кажутся приемлемыми «уставные» объятия и поцелуи на службе (особенно между знакомыми), но неуместными и «примитивными» комментариями в чате трансляции³⁷.

При этом даже те люди, которые не имеют связей с общиной и не комментируют в чате, все равно обращали внимание на то, сколько человек в данный момент смотрят трансляцию. Особенно ярко эти эмоции проявлялись, если количество участников существенно превышало потенциальную вместимость храма, из которого велась эта трансляция. Цифра на экране оказалась способом подкрепить свою позицию (выбора в пользу онлайн-службы и подчинения официальному предписанию вместо подпольного проникновения на офлайн-службу), а также преодолеть ощущение одиночества и отчужденности. Само наличие людей в трансляции объединяет собравшихся и делает молитву «соборной», то есть имеющей особое значение и силу. На этих «цифровых прихожан» проецируются собственные представления о ситуации: предполагается, что все молятся об одном и том же. Некоторые мои собеседники, комментируя свои ощущения, ссылались на тезис о единстве христиан в Святом Духе, для которого не существует расстояний и физических границ.

«Все равно создается такое символическое идеологическое пространство. Этим молитва, она в принципе отличается для меня, например, от медитативных каких-то практик, потому что там все

37 Женщина, около 25 лет, живет в Москве, педагог, православная.

равно есть некоторый образ Другого, к которому это обращено, и с которым ты это разделяешь. И когда я говорю, я... я понимаю, что меня не слышат, не слышит кто-то другой, реальный в смысле, живой человек. Я не разделяю это с ним буквально, но я это разделяю это с ним на символическом уровне. Я понимаю реально, что “воскресе из мертвых, смертью смерть поправ”, “воскресение Христово видевшие”, что вот это – то что происходит сейчас со всеми нами. И через это у меня такое чувство соучастия, чувство, что вот мы все вместе, друг с другом, сейчас входим в эту реальность»³⁸.

Виртуальная община трансляции богослужения, таким образом, это не община взаимодействующих друг с другом в виртуальной среде людей, а совокупность людей, часто анонимных, не знающих друг друга и практически не связанных между собой, которые стечением обстоятельств оказались в одной ситуации.

Приход из «своих»

Изучая практики медиа-потребления спортивных синхронных событий, исследователи обратили внимание на то, что во время просмотра матча по телевизору болельщики одновременно пользуются и другими коммуникационными устройствами (телефонами, планшетами и так далее) для получения дополнительной информации, общения с другими, синхронно с просмотром обмена эмоциями, а также для участия в интерактивных видах деятельности (голосованиях, тотализаторе и тому подобное)³⁹. При этом, согласно одному из исследований такого рода, люди переключаются между экранами до 2,5 раз в минуту, но при этом удерживают внимание и запоминают содержание просмотренного или прочитанного на обоих экранах точно так же, как и люди, сосредоточенные на одном экране⁴⁰. Похожие практики оказались распространены и среди верующих, вовлеченных в просмотр трансляции праздничного богослужения.

Прежде всего дополнительные гаджеты использовались для обращения к тексту богослужения (нередко не вполне понимаемого даже воцерковленными людьми). Некоторым из моих собеседников такое совмещение гаджетов помогло хотя бы частично ощутить себя участником, а не зрителем происходящего – хотя, разумеется, не сняло проблему полностью.

38 Женщина, около 25 лет, живет в Москве, психолог, православная.

39 PFEFFEL F., KEXEL P., KEXEL C.A., RATZ M. *Second Screen: User Behavior of Spectators while Watching Football* // Athens Journal of Sports. 2016. Vol. 3. № 2. P. 119–128.

40 SEGIJN C.M., VOORVELD H.A.M., VANDEBERG L., SMIT E.G. *The Battle of the Screens: Unraveling Attention Allocation and Memory Effects When Multiscreening* // Human Community Research. 2017. № 43. P. 295–314.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНОСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

«Мы пели вместе с нашим хором. То есть мы открыли полностью текст весь в телефоне, на большом экране было вещание, мы все пели, у меня дети тоже, младший ребенок в хоре в детском поет. Но меня не покидало чувство что это какая-то такая Пасха, что что-то не то, и в общем, у меня были скачки настроения – то прям так радостно, то я куда то провалилась: что я здесь делаю, почему я здесь нахожусь и почему я перед экраном»⁴¹.

Некоторые могли увеличивать количество трансляций. На втором экране параллельно запускалась трансляция из какого-либо другого храма – постоянно, или на время перерывов, или нарушений связи в ходе основной трансляции. Например, одна моя собеседница⁴² рассказала, что во время Великого поста в ее приходе трансляции богослужения не велись. Она смотрела трансляции из совершенно постороннего для нее храма и за время, предшествующее Пасхе, привыкла к нему, стала ощущать свою связь с ним – несмотря на то, что физически там никогда не бывала и ни с кем из священников или прихожан не знакома. В пасхальную ночь в ее собственном приходе была, наконец, анонсирована онлайн-трансляция, чему моя собеседница очень обрадовалась, но при этом она чувствовала желание и даже некоторое моральное обязательство участвовать в службе вместе со своим новым «виртуальным приходом». Поэтому на первом экране шла трансляция из ее прихода, а параллельно, на втором экране, была включена трансляция из нового для нее храма. Другая женщина⁴³ столкнулась с тем, что из ее любимого храма шла только аудиотрансляция, без видео. К ней она подключилась через смартфон (который был в этом случае первым экраном, потому что она следила за службой именно по нему), а параллельно она включила трансляцию из храма Христа Спасителя по телевизору, но без звука. В результате видеоряд и аудиоряд шли из разных мест с неизбежной рассинхронизацией, но ей это не мешало⁴⁴.

Второй экран мог использоваться и как средство коммуникации, создания своего рода виртуальной общины совместно участвующих в богослужении людей. Многие из участников исследования замечали, что проблема удаленной Пасхи не

41 Женщина, около 45 лет, живет в Москве, домохозяйка, православная.

42 Женщина, около 35 лет, живет в Москве, сотрудник сферы рекламы, православная.

43 Женщина, около 35 лет, живет в Москве, работает в IT-сфере, православная.

44 Этот пример показывает, что выбор гаджета в качестве первого или второго экрана (присвоение ему статуса основного, на котором смотрят трансляцию богослужения или, в случае двух трансляций, более ценную из них) не зависит от размера этого экрана. Участники исследования, смотревшие богослужение совместно с семьей, особенно – с детьми, для которых важно зрелище, предпочитали большой экран телевизора, позволяющего не просто разглядеть детали, но и «захватить» в богослужбное пространство своих близких, создавая ощущение общего присутствия в нем – особенно во время праздничного богослужения. Те же, кто смотрел в одиночку или в беспокойном окружении, чаще выбирали экран смартфона. Небольшой экран позволял им сосредоточиться, сфокусироваться, не отвлекаясь на происходящее вокруг и не втягивая домашнюю повседневность в богослужбное пространство.

только в отсутствии соборной молитвы как таковой, а еще и в отсутствии неформального общения с приходскими друзьями, обмена поздравлениями, новостями и подарками, возможности поделиться пасхальной радостью (особенно остро это воспринималось при встрече Пасхи в одиночестве). Так, одна из моих собеседниц рассказала, что она смотрела трансляцию из Казанского собора вместе со своими родителями. При этом ее бабушка, с которой они не могли воссоединиться в пасхальную ночь из-за карантинных ограничений, тоже смотрела трансляцию из Казанского собора, но по другому телеканалу. В результате они видели изображения с разных камер и смонтированное разными режиссерами, и при полной синхронии самого богослужения их визуальный опыт довольно существенно различался. Кроме того, они подключили видеосвязь по *WhatsApp* на смартфонах, чтобы параллельно службе обсуждать происходящее⁴⁵. Еще одна участница исследования рассказала, что они включили через *WhatsApp* в семейный просмотр трансляции подругу сына-подростка, которая давно мечтала побывать на пасхальной службе (в семье девушки Пасху не отмечают)⁴⁶. Такая ситуация встречается довольно часто – при помощи второго экрана люди обеспечивали виртуальное соприсутствие близких внутри богослужебного пространства у себя дома.

«И на крестный ход мы ходили вот так: то есть я со свечкой, с телефоном, и мои родители в деревне тоже с телефоном, со свечкой, вышли на улицу, ходили по участку, а я по квартире ходила со свечкой, и мы все вместе пели, и потом уже там они начали цокаться яйцами»⁴⁷.

«Я знаю, что кто-то из моих знакомых... прямо они в зуме собрались и параллельно смотрели как бы. Они обменивались комментариями, там, говорили “Христос воскрес”, вообще какое-то было совместное пространство для того, чтобы смотреть трансляцию»⁴⁸.

Второй экран мог также использоваться для того, чтобы поздравить близких текстовым сообщением. Оказалось, что ситуация удаленного богослужения парадоксальным образом помогала поддержанию связей: мои собеседники, за редкими исключениями, говорили, что обычно не могут отправить поздравительные сообщения во время богослужения, хотя испытывают потребность разделить пасхальную радость с друзьями в ее наивысшей точке, объединить этим действием тех, кто не находится рядом, создать своего рода удаленную общину из близких по духу людей.

45 Женщина, около 20 лет, живет в Москве и Санкт-Петербурге, студентка, православная.

46 Женщина, около 50 лет, живет в Екатеринбурге, научный работник, православная.

47 Женщина, около 20 лет, живет в Москве, педагог, православная.

48 Женщина, около 35 лет, живет в Санкт-Петербурге, педагог, православная.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНОСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНОСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

«По смыслу, община – это вот те близкие люди, с которыми ты разделяешь их переживания обычно, и все такие друг друга знаете, поддерживаете. [...] Но по факту, вот есть два храма, куда я в Москве хожу обычно и, несмотря на то, что я знаю там некоторых прихожан, и среди этих некоторых прихожан есть даже какие-то мои близкие друзья, это все равно не... это не то. А здесь это... именно вот они – мои близкие люди, с которыми мы обычно общаемся, с которыми у нас прекрасные отношения, и можно связаться с каждым из них прямо в пути, прямо здесь и сейчас, и этому ничто не мешает»⁴⁹.

Отсутствие внешнего контроля со стороны других прихожан (а многим пользоваться смартфоном в храме неловко) позволило реализовать этот запрос. Одна из моих собеседниц даже предположила, что люди смотрели службу онлайн, потому что другие формы социального взаимодействия во время локдауна оказались невозможными⁵⁰. Трансляции богослужений, следуя этой логике, стали заменой не только физического присутствия в храме, но и пасхальной трапезы с родными или друзьями.

Второй экран, таким образом, позволял осуществить довольно сложные констелляции соучастников богослужения, снимая противоречия между тем, что Джон Урри обозначил как «воображаемое» (наблюдаемое в образах) и «виртуальное» (осуществляемое в реальном времени «поверх» географических и социальных границ)⁵¹. Там, где первый экран (например телевизора) в силу технических особенностей не позволяет участвовать в ритуале и общаться с другими людьми, на помощь приходит второй.

«Окна Пасхи» и поиск внешней поддержки

Еще одним способом компенсировать изоляцию стало участие во флэшмобе «Окна Пасхи», инициированном православным журналом «Фома». В нем предлагалось в полночь зажечь на окне свечу⁵² и прокричать в окно или с балкона пасхальное приветствие, чтобы увидеть друг друга и показать пример радости и надежды в трудное время. Предполагалось, что хэштег *#окнапасхи* будет использоваться прежде всего для пиара акции, но участники стали активно выкладывать фотографии с этим хэштегом на свои страницы социальных медиа. Тем самым флэшмоб из «акции для офлайн-соседей» стал онлайн-

49 Женщина, около 25 лет, живет в Москве, психолог, православная.

50 Женщина, около 30 лет, живет в Москве, медиа-менеджер, православная.

51 URRY J. *Mobility and Proximity* // *Sociology*. 2002. Vol. 36. № 2. P. 255–274.

52 Богословским обоснованием акции была ссылка на слова Евангелия: «Никто, зажегши светильник, не ставит его в тайник, ни под сосуд, но на подсвечник, чтобы входящие видели свет» (Лк 11:33).

событием (что вполне укладывается в общий тренд «спектализации» Пасхи в социальных медиа⁵³). По данным, собранным при помощи системы «Brand Analytics», этот хэштег за неделю был воспроизведен в социальных медиа свыше 14 тысяч раз (фотографии с этим хэштегом публиковались в разное время – накануне пасхального богослужения, непосредственно во время него, сразу после завершения, наутро и в течение всей Светлой Седмицы).

При этом пользователи стали выставлять на окна не только свечи. Это могли быть наборы икон и свечей (например пользовательница *Instagram S_K* поставила на подоконник три разных образа Христа и четыре Богоматери, а перед ними выставляла две свечи), гаджеты с трансляцией пасхальной службы, куличи, вазы с вербами, статуэтки ангелов, деревянные яйца, четки – иными словами, почти любая атрибутика, ассоциирующаяся с Пасхой и в целом с православием. Часто в таких натюрмортах использовались лампы, с которыми обычно ходят крестным ходом на Пасху. Некоторые пользователи поставили на окно тонкие церковные свечи (с которыми, по-видимому, они следили за пасхальной службой) с импровизированной бумажной манжеткой, чтобы не капал на руки воск. «Окна Пасхи» тем самым становились развернутыми визуальными высказываниями о том, как пользователи проводят пасхальную ночь.

На фотографиях видно, как одни участники флэшмоба старались приподнять подсвечник со свечой повыше, так, чтобы его было видно с улицы, например, используя высокий подсвечник, расположив свечу на куличе или поставив ее на перевернутую посуду, а другие, по-видимому, вовсе не задумывались над тем, заметят ли свечу соседи. Как правило, в первом случае натюрморт оказывался самым аскетичным (чаще всего – только сама горящая свеча), а во втором – максимально насыщенным предметами. В этих практиках проявилось то, как пользователи определяют главного адресата сообщения. Это могут быть соседи, которым должно быть видно свет свечи и слышно пасхальный возглас, или домочадцы и пользователи социальных медиа, для которых выставляется и фотографируется «пасхальный натюрморт». Мои собеседники подтверждали это наблюдение: даже тогда, когда их окно, по определению, никому не видно (например в условиях жизни в частном доме в деревне), они использовали эту практику для поддержания онлайн-связей, а некоторые ставили свечу на окно, фотографировали ее и не выкладывали в социальные медиа, а просто отправляли своим родным и друзьям вместо поздравительной открытки.

53 Крихтова Т. М. *Куличи в Инстаграме. Спектализация Пасхи молодыми российскими женщинами* // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1 «Богословие. Философия. Религиоведение». 2018. № 79. С. 98–114.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНОСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

Эти фотографии нередко «озвучивались» (имитируя офлайн вариант произнесения пасхального приветствия со свечой в руке): в подписях и комментариях к постам воспроизводились фрагменты пасхальных тропарей, кондаков, других богослужебных текстов, отрывков из Евангелия, связанных с праздником. Так, пользовательница S_L разместила фотографию, на которой изображены руки со свечами, сопроводив ее подписью: «Христос Воскресе из мертвых, смертью смертью поправ, и сущим во гробех живот даровав! Христос Воскресе!!!» Аналогично, пользователь A_P сопровождает фотографию окна со свечой подписью «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его!».

Если люди наблюдали свечи у других и получали ответы на свои приветствия – и офлайн, и в социальных медиа, – у них возникало искомое ощущение общности (упоминания об этом встречаются и в социальных медиа, и в высказываниях моих собеседников). У других, напротив, возникла фрустрация из-за того, что они ожидали увидеть огромное число свечей в окнах, услышать праздничные возгласы со всех сторон, но этого не случилось.

«Единственно, что мы сделали – мы с балкона офлайн кричали с балкона “Христос воскрес” и нам ответили. [...] У народа не очень видела, что там вокруг – как будто горело тоже немножко»⁵⁴.

«Для меня, например, было очень важно увидеть как-то... в инстаграме какая-то движуха, активность, какое-то вот такое... инстаграм-соборность. [...] Я увидел, что на мой пост абсолютно незнакомые люди начали писать мне “Христос воскрес!”. Вот я этого не ожидал. Мне это понравилось, я тоже начал писать»⁵⁵.

В обоих случаях – и тогда, когда сообщение «Окна Пасхи» было ориентировано на проходящих по улице и соседей, и тогда, когда оно было посланием онлайн-контактам в социальных медиа, для участников этой акции было очень важным увидеть, что и другие люди тоже празднуют Пасху в самоизоляции. Как пишет одна из пользовательниц *Instagram*:

«Пусть мы были не в храме, но, смотря на огоньки свечей в доме напротив, я настолько ясно чувствовала нашу соборность, что духовно мы вместе, что просто слезы наворачивались на глаза».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Замена опыта посещения физического храма медиа-трансляцией богослужения не столько внесла в практики прихожан что-то новое, сколько проявила существующие, но не всегда

⁵⁴ Женщина, около 35 лет, живет в Санкт-Петербурге, педагог, православная.

⁵⁵ Мужчина, около 30 лет, живет в Москве, научный работник, православный.

проговариваемые изменения, накопившиеся за последние десятилетия.

Стало видимым индивидуализированное «христианство для себя», подразумевающее контакт в ходе службы либо исключительно с трансцендентным, либо, кроме того, с клириком, помогающим осуществлению главного контакта. Другие в этой системе нередко выступают в качестве анонимного коллективного тела прихода, фона для осуществления ритуала.

В то же время наличие «других» в пространстве религиозного переживания оказалось во многих случаях предельно значимым – вопрос только в том, кто же эти другие. Границы общины в ситуации удаленного взаимодействия были пересмотрены и расширены. Членами «виртуального прихода» оказались лично знакомые прихожане одного храма; участники одной трансляции; члены домохозяйства; близкие, с которыми хочется разделить радость; часто незнакомые лично «друзья» в социальных сетях; соседи по дому или улице; случайные прохожие и, наконец, целые приходы, выступающие в такой сети как некоторое единство. «Отбор» элементов для общины (я ставлю слово «отбор» в кавычки, чтобы не создать впечатления рефлексивного рационального процесса) осуществляется таким образом, чтобы каждый из них мог поддержать нас в совместных эмоциональных практиках⁵⁶: разделить религиозное переживание и радость Пасхи и при этом находиться либо в достаточно доверительных отношениях с нами, либо, наоборот, быть не настолько значимым для нас, чтобы начать контролировать внешнее проявление этих практик, пусть даже невольно. Это достигалось сложной манипуляцией гаджетами и каналами связи. Включая одни устройства или приложения и выключая другие, верующие могли одновременно осуществлять взаимодействие в нескольких пространствах как онлайн, так и офлайн и регулировать включенность в сети «виртуальных приходов».

Понятие общины или сообщества не случайно вызывают у современных исследователей такие затруднения: наш кейс показывает, как община становится флюидной, ситуативной, превращаясь, по сути, в продукт индивидуальной сборки. Если рассмотреть эти социальные констелляции с позиций сетевого анализа, мы увидим не просто сложно устроенную и подвижную структуру кластеров связи, но сеть, которая пересобирается заново любым ее элементом⁵⁷ на основе не столько институциональных правил и предписаний, сколько аффективных практик.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНОСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

56 SCHEER M. *Are Emotions a Kind of Practice (And Is That What Makes Them Have a History)? A Bourdieuan Approach to Understanding Emotion // History and Theory.* 2012. № 51. P. 193–220.

57 LATOUR B., JENSEN P., VENTURINI T., GRAUWIN S., BOULLIER D. «*The Whole Is Always Smaller Than Its Parts*»: *A Digital Test of Gabriel Tardes' Monads // The British Journal of Sociology.* 2012. Vol. 63. № 4. P. 590–615.